

Ю.А. Борко¹

Война глазами школьника²

22 июня 1941 года был выходной день. Сели завтракать ближе к полудню. Обсуждали наши летние планы. Мне исполнилось 12 лет. Я окончил 4-й класс расположенной неподалеку 65-й школы. По радио звучала музыка. Вдруг она прервалась, и нам сообщили, что в 12 часов выступит с экстренным сообщением Народный комиссар иностранных дел Вячеслав Михайлович Молотов. Мамино лицо буквально посерело. Она поняла, что второму после Сталина человеку в стране поручено сообщить нам о каком-то чрезвычайном событии. Ровно в полдень из черной тарелки репродуктора раздавался глуховатый, чуть заикающийся голос Молотова: «Граждане и гражданки Советского Союза! Советское правительство и его глава тов. Сталин поручили мне сделать следующее заявление: Сегодня, в четыре часа утра, без предъявления каких-либо претензий к Советскому Союзу, без объявления войны, германские войска напали на нашу страну, атаковали наши границы во многих местах и подвергли бомбежке со своих самолетов наши города – Житомир, Киев, Севастополь, Каунас и некоторые другие». Закончил он свою речь словами, которые вошли в историю Отечественной войны: «Наше дело правое. Враг будет разбит. Победа будет за нами». Так начался для меня первый день войны. Следующие две недели были самыми страшными – своей неожиданностью и полным контрастом с тем, как, по моим представлениям, должна была проходить эта война. Страх за будущее не покидал вплоть до контрнаступления Красной армии под Москвой. Но к тому времени было очевидно, что война будет длительной и кровопролитной.

30 июня 1941 года. С начала войны прошло девять дней, и меня охватывало всё большее недоумение. Всё происходившее не вписывалось в ожидание скорой победы. Хотя утренние сводки Совинформбюро были бодрыми, по тому, как возникали всё новые направления сражений, всё дальше от границы, было ясно, что наши войска повсюду отступают. А как же с текстами предвоенных популярных песен: «Чужой земли мы не хотим ни пяди, / Но и своей вершка не отдадим»; «А если к нам ползет враг матерый, / Он будет бит повсюду и везде»; «Гремя огнем, сверкая блеском стали, / Пойдут машины в яростный поход, / Когда нас в бой пошлет товарищ Сталин, / И первый маршал в бой нас поведет»?

Помню раннее утро 22 июля 1941 года. Мы с мамой только что вернулись домой, и я высунулся в окно нашей комнаты. С высоты 4-го этажа во все стороны открывался горизонт, и слева над Красной Пресней, закрывая половину утреннего синего неба, тянулся широкий шлейф плотного серого дыма. В эту ночь, ровно через месяц после начала войны, немецкая авиация впервые бомбила Москву. Зловещий голос «Граждане, воздушная тревога» и вой сирены прозвучали в черной тарелке домашнего репродуктора в 22.10, а отбой был дан утром в начале шестого. Мы уехали из Москвы в сентябре, и все полтора месяца до нашего отъезда немцы бомбили столицу каждую ночь. Длительность налётов была разной, но сигнал воздушной тревоги раздавался в одно и то же время – вечером, в начале 11-го. Впечатлений у меня прибавилось, и особенно потрясла картина полутора десятков горящих зданий на горизонте к югу от центра Москвы – огненные свечи на черном фоне полуночного неба, которые я и моя старшая двоюродная сестра Наташа наблюдали с чердака семиэтажного дома, в котором она проживала. Эта картина так и осталась зрительным образом войны. Он долго жил во мне после её окончания, и я

¹ Борко Юрий Антонович – доктор экономических наук, руководитель информационного центра Европейского Союза EU-i, главный научный сотрудник ИЕ РАН.

² В этом рассказе использованы некоторые события и воспоминания из книги: Ю.А. Борко. Судьбу нам не о чем просить...Семья, жизнь и путь в науке. М., 2019, с. 7-8, 54-61, 97-102.

не раз вздрагивал, если передо мной внезапно открывалась картина закатного неба, по которому медленно ползли серые облака.

В 1965 году в Кремле праздновали 20-летие победы над нацистской Германией. До этого многие годы День Победы 9 мая государством фактически не отмечался. И как-то совпало, что в один из близких к этому празднику дней я шел вечером по Арбату в сторону Смоленской площади, то есть на запад. Передо мной по небу тянулись сероватые облака, и у меня они не вызвали никаких эмоций. Я удивился этой перемене во мне, задумался и размышлял не один день. А потом понял: события, которые нас потрясли и ушли в прошлое, еще долго переживаются нами, но в какой-то момент они перестают быть источником непосредственного переживания, и тогда уже в полной мере осознаются нами как прошлое. Война стала для меня прошлым через 20 лет после её завершения.

Дневник я начал вести в памятную осень 1941 года, когда мы эвакуировались в Казань, где жила младшая сестра мамы. Помню о четырехдневном путешествии из Москвы в тамбуре до отказа забитого людьми вагона. Всю дорогу я или стоял, или сидел на корточках, прислонившись спиной к стенке. Увы, первая тетрадка дневника до сегодняшнего дня не дожила, и я помню только грохот встречных воинских эшелонов – платформы с танками, орудиями и грузовыми машинами, товарные вагоны с предназначенными для фронта грузами, приоткрытые теплушки и солдатские лица в дверных проёмах, составы цистерн. Железная дорога Свердловск-Казань-Москва была почти на всём протяжении однопутной, эшелоны шли примерно с часовым интервалом, и мы подолгу стояли на каждом полустанке, пока не возникала двух-трёхчасовая пауза, и наш поезд успевал пройти один-два перегона до очередной станции.

Когда осенью 1941-го мы с мамой эвакуировались в Казань, мне было без малого 13 лет, и моей главной обязанностью в семье стало обеспечение её хлебом. Хлебную карточку следовало «отоваривать» ежедневно и в проставленный на ней день. Для рабочих и инженерно-технических работников были установлены две нормы: для первой категории – 800 г хлеба, для второй – 600 г; норма для служащих – 500 г, для иждивенцев и детей до 12 лет – 400 г. Вначале я закупал хлеб по трём карточкам, а после приезда бабушки и бабушки – по пяти. Думаю, что нынешние россияне, и не только молодые, просто не в состоянии прочувствовать, как высока была цена ответственности за эти серо-голубые бумажки. В тот год я учился в первую смену, пятые классы заканчивали примерно в 12:30. Съев какую-то скудную снедь, оставленную мамой, я бежал к хлебному магазину, к которому мы были прикреплены, и становился в хвост очереди. Она выстраивалась с утра, и моё место в ней, выведенное на ладони чернильным карандашом, почти всегда было трёхзначным. А казанская зима в тот год выдалась суровая, морозы порой зашкаливали за -40, а в пределах от -20 до -30 держались неделями. Одет я был по тем временам нормально – зимняя шапка-ушанка, валенки и знаменитая русская стёганая телогрейка, сверху обтянутая в мастерской тёмно-голубым сукном. И всё-таки в крепкий мороз пробирало. Хлеб в магазин привозили, как правило, пополудни, но в разное время, так что нередко приходилось простаивать по два-три часа. Пробежки и притопы не спасали, и я отправлялся погреться в каком-нибудь ближайшем подъезде. Наконец, подходила моя очередь, продавец вырезал очередные талоны, я расплачивался и укладывал в сумку хлеб. И какая же была радость – обнаружить небольшой довесок, который можно было съесть на пути к дому!

Казань, 1944 г. мне 15 лет

Зимы в 1941/42-м и 1942/43-м годах были суровые, верхняя одежда у многих ребят была поношенная и не рассчитанная на такие холода; мы довольно часто болели. Но иногда кто-то пропускал школу по иной причине. К нам заходила классная руководительница и сообщала, что у Иры Васиной или Руслана Файзуллина погиб на фронте отец, и не надо спрашивать их, почему они отсутствовали. В классе наступала тишина, и многие из нас, наверное, вспоминали, что наши отцы или родственники тоже находятся там, где убивают. А я вспоминал дядю Лёню, маминого брата. Перед войной он был младшим воентехником запаса и ушел на войну в первый день – 22 июня 1941 года. Воевал он в частях морской пехоты Черноморского флота. В конце декабря 1941 г. он участвовал в штурме и взятии города и порта Керчь. О его действиях повествует интереснейший архивный документ:

Младший Воентехник БОРЮ И. А. во время десантной операции был назначен командиром сейнера "Пушкин", который отлично выполнял все задания Командования. Сейнер "Пушкин" под ураганным огнем врага подошел к Камыш-Буруну и высадил десант, подобрал тяжело раненных в количестве 36 человек, которым требовалась скорая медицинская помощь и доставил их в ст. Тамань, выполняя задания Командования, а также по собственной инициативе оказывал помощь другим судам, нуждающимся в помощи снятия с мели. Проводил несколько сейнеров через промоину и ни разу не шел на мель. Сейнер "Пушкин" выполнял несколько рейсов своевременно четко и без потерь.

Последний рейс 31 декабря 1941 года сейнер "Пушкин" получил задание снять л/состав с Косы Тузла, раненных и без пищи в количестве 70 человек. Несмотря на то, что сейнер имел большую течь, тов. БОРЮ И. А. пошел в штормовую погоду и выполнял отлично задание Командования, а когда пролив замерз, все же пробивался вперед и достиг места назначения, но на обратном пути сейнер "Пушкин" застрял, примерно, в одном километре от берега. Тов. БОРЮ И. А. взял на себя инициативу доставить питание лично л/составу, находящемуся на сейнере. Так как лед еще не окреп, тов. БОРЮ И. А. попластунски добрался до берега и таким путем доставил питание л/составу, а когда окреп лед, тов. БОРЮ И. А. доставил л/состав на берег по льду.

Тов. БОРЮ И. А. 28.1.42 года был представлен к Правительственной награде за участие взятия гор. КЕРЧИ к ордену "Красное Знамя". Наградной лист был направлен на имя Командующего

Указ о его награждении был издан в 1942 г., но мы узнали об этом уже после войны. В мае 1942-го мы получили его очередное письмо, а затем они перестали приходить. Поначалу мы успокаивали друг друга: возможно, письмо пропало, а следующее вот-вот придет.

Потом взрослые замолчали, и я тоже понял, что надо молчать. Надежду давало лишь то, что нет «похоронки» – сложенного треугольником письма, в котором сообщалось, что-такой-то с честью выполнил воинский долг и погиб смертью храбрых. Наше молчание длилось почти полгода, а поздней осенью, когда, казалось, уже не осталось надежды, пришло письмо от Лёни, в котором он сообщал, что жив и здоров, но по ряду обстоятельств не мог писать нам. Только после войны мы узнали, что в мае 1942-го Лёня участвовал в жесточайших боях под Керчью в составе одной из бригад черноморской морской пехоты, был ранен и тяжело контужен. Бойцы, которыми он командовал, вынесли его с поля боя в бессознательном состоянии и переправились вместе с ним через Керченский пролив. Потом - госпиталь, и прошло несколько месяцев, прежде чем к нему вернулись память, слух, зрение и способность писать. Вскоре он вернулся в свою часть, участвовал в боях под Новороссийском и Туапсе, был награжден медалью «За оборону Кавказа», а затем освобождал Крым и все морские порты Черноморья вплоть до Одессы, где и закончил войну.

Иоанн Абрамович Борко, 1947 г.
лейтенант Офицер морской пехоты Черноморского флота.

Казанская школа № 3, куда я поступил осенью 1941 г., размещалась в трёхэтажном здании, а школьное здание вскоре после начала войны было отдано под военный госпиталь. Пионерская организация нашей школы взяла шефство над госпиталем. Это был офицерский госпиталь для младшего и среднего комсостава. Помню, как молоденькая медсестра открыла дверь, и мы первый раз вошли в большую палату, которая раньше была школьным классом. Вдоль стен, вплотную одна к другой, касаясь спинками, стояли кровати. Их было не меньше дюжины, а может, чуть больше. На них лежали или сидели молодые и средних лет мужчины, одни в халатах серого или тускло синего цвета, другие в белых больничных рубашках. Кто спал, кто просто лежал, кто читал, лежа или сидя. Несколько человек сидели у стола посреди палаты: двое играли в шахматы, остальные наблюдали за игрой и, как водится, давали советы. У кого-то была в гипсе рука, у кого-то – нога. А мне сразу бросился в глаза раненый, у которого была плотно забинтована голова. Открытым оставался только квадрат лица – от надбровий до подбородка. Позже его товарищи по палате сказали нам, что осколком снаряда ему снесло часть черепа на темени, и он остался жив только потому, что каким-то чудом осколок не задел ткань

мозга. После двух или трех посещений я обратил внимание еще на одного жителя палаты. Он был заметно старше других, лет сорока, чуть меньше – чуть больше. Вскоре мы узнали, что он был старший по званию – капитан. Его товарищи по палате относились к нему уважительно.

Иногда мы выступали с незамысловатым концертом – пели, читали стихи. Но чаще нас просто звали к себе раненые. Мы читали им письма, которые им присылали из дому или друзья с фронта, или просто разговаривали. Они спрашивали нас о нашей жизни или сами рассказывали о местах, из которых они ушли на войну, о своих семьях. У некоторых родные места были «под немцами», и они ничего не знали о судьбе родных. Позже, повзрослев, я понял, что наши посещения были им нужны, разнообразили их госпитальную жизнь, отвлекали от переживаний, вызванных тяжелыми ранениями, долгим и трудным выздоровлением.